

МОСКВИТЯНИНЪ,

ЖУРНАЛЪ

НА 1848 ГОДЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ Е. ПОГОДИНЫМЪ.

№ 1.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТЪ КОИ ТИПОГРАФИИ.

1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ ,

съ тѣмъ , чтобы по отпечатаніи было представлено въ Цен-
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва ,
Декабря 27-го дня , 1848 года.

Ценсоръ В. Лешковъ.

ОЧЕРКИ

СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Желая представить читателям очерки современной нашей литературы, я долженъ обратить вниманіе ихъ прежде всего на ту сторону, гдѣ движеніе ея совершается быстрее, гдѣ дѣятельность, если не внутренняя, то внѣшняя, обширнѣе, и кругъ дѣйствія значительнѣй. Всякой сознается, что эти черты преимущественно принадлежать той школѣ, которая называетъ себя западною, хотя мы ея не признаемъ такою, школою прогресса, хотя мы этого прогресса также въ ней не замѣчаемъ, школою натуральною, чѣмъ мы также не назовемъ ея, потому что натуральное, поскольку оно принадлежитъ искусству, ей по нашему мнѣнію кажется совершенно чуждо. Школу эту представляютъ у насъ два дѣятельнѣйшіе журнала, соревнующіе другъ другу въ желаніи угодить публикѣ, сходствующіе именами сотрудниковъ, хотя и враждующіе по отношеніямъ издателей, а главное: братья по началамъ — Современникъ и Отечественныя Записки.

Я намеренъ представить очерки замѣчательнѣйшихъ личностей этой школы, но прежде считаю нужнымъ схватить общія черты ея, изъ которыхъ будутъ ясно и начала въ ней дѣйствующія, и значеніе ея въ нашей современной словесности. Прежде чѣмъ выразить свое мнѣніе, полагаю необходимымъ обратить вниманіе на то, чѣмъ говорить объ этой школѣ представитель ея теоріи. Да, эта школа имѣетъ своего теоретика, который съ одной стороны сочувствуетъ ея общему движенію и явленіямъ, съ другою благородно и по возможности безпристрастно,

какъ должна дѣйствовать теорія, старается умѣрить крайнія увлеченія этой школы: этотъ теоретикъ Г. Никитенко (*).

Въ первомъ номерѣ Современника прочли мы его статью о современномъ направленіи Русской Литературы. Главною чертою не только литературы, но и всей современной образованности, Г. Никитенко полагаетъ отсутствіе сильныхъ талантовъ, мощныхъ, широко-раскрывающихся личностей, или жьсть особенно замѣчательныхъ. Эти мощныя личности онъ называетъ моментами чрезвычайными, рѣзкими, внезапными, праздниками въ литературѣ. Литература теперешняя, судя по личностямъ въ ней наиболѣе дѣйствующимъ, какъ думаетъ Г. Никитенко, похожа на будни.

Положимъ, что это можетъ быть нѣсколько справедливо относительно того круга, хотя и дѣятельнаго, но довольно тѣснаго, въ сравненіи съ цѣлымъ, того круга, въ которомъ Г. Никитенко взялся быть теоретическимъ представителемъ. Но не мѣзя же сказать этого о всей нашей литературѣ, когда съ радостною надеждою мы смотримъ еще на новую, богатую дѣятельность Жуковского и ждемъ отъ него Одиссеи и Шахъ-Цаме, когда Гоголь живъ и по нашему мнѣнію далъ намъ право новыхъ отъ

(*) Не могу согласиться съ Г. М. З. К., который въ статьѣ своей, помѣщенной во 2-й частѣ Москвитина прошлаго года, такъ выразился о Г. Никитенко: «Онъ стоитъ особнякомъ отъ всѣхъ (въ современной Литературѣ) и значить въ ней самъ по себѣ. Ни одна литературная партія не можетъ назвать его своимъ». Образованіемъ своимъ мнѣній Г. Никитенко принадлежитъ болѣею частію Отечественнымъ Запискамъ, а съ тѣхъ поръ какъ онъ выставилъ имя свое на знамени Современника, никто не въ правѣ сказать, чтобы ни одна литературная партія не могла назвать его своимъ. Видно также, что авторъ статьи характеризуетъ Г. Никитенко, не привелъ себѣ на память всѣхъ его замѣчательныхъ произведеній: иначе объ авторѣ двухъ извѣстныхъ панегириковъ: Петру Великому и Елисаветѣ Кульманъ, онъ не сказывалъ бы, что онъ не лишеть панегириковъ и имъ не сочувствуетъ.

него ожиданий; когда появленіе замѣчательныхъ женщинъ въ литературу нашей послѣдняго времени подаетъ утѣшительныя надежды; когда въ молодомъ поколѣніи только что выступили дѣятели даровитые; когда въ самой такъ называемой натуральной школѣ не мѣла было безъ дружелюбнаго привѣта встрѣтить Гг. Григоровича и Гончарова; когда недавно читали мы превосходные переводы древнихъ Чешскихъ поэмъ и Сербскихъ пѣсень Г. Берга, въ которыхъ языкъ и стихъ Русскій блистаетъ высшею степенію изящества. Если же взглянемъ изъ другую высшую сферу духовнаго слова, гдѣ мы имѣемъ славныхъ представителей, неистощимыхъ дѣятельностью; на сферу науки, въ которой трудится у насъ по разнымъ частямъ много замѣчательныхъ лицъ и выступило новое поколѣніе, недавно образовавшееся, съ прекрасными, свѣжими силами, — тогда еще менѣе можемъ согласиться съ подобнымъ мнѣніемъ. Нѣтъ, нѣтъ, мы не думаемъ, чтобы литература наша, не смотря на многія явленія въ ней, не была бы утѣшительная, походила на скучныя будни и не блистала бы замѣчательными лицами. Г. Никитенко не имѣетъ права сказать этого даже въ отношеніи къ тому молодому кругу, который собрался около него. Какое же право имѣетъ онъ рѣшать такъ будущую судьбу всѣхъ молодыхъ Русскихъ талантовъ, которые не имѣли времени раскрыть волюю силу своихъ; какъ осуждать ихъ на отчаянную невозможность развиться широко и мощно, и сдѣлаться замѣчательными мыслителями въ нашей литературѣ?

Кромѣ того, что мы несогласны въ этомъ отношеніи съ Г-мъ Никитенко, мы находимся въ обязанности указать ему на рѣзкое противорѣчіе его самому себѣ и въ особенности его товарищу, по мнѣніямъ и участию въ Журналь, Г. Кавелину. (*) Сей послѣдній въ своей статьѣ:

(*) Г. Никитенко, впрочемъ, относилъ къ статьѣ Г. Кавелина слѣдующія слова: «Нынѣшній способъ историческаго разрабатыванія нашей народности обѣщаетъ самыя счастливыя послѣдствія для образованности и литературы. Читатели Современника въ этой же книжкѣ найдутъ тому доказательства и поясненія.»

Взглядъ на юридическій бытъ древней Руси, поставилъ основною мыслию, что все умственное и нравственное развитіе невозможно безъ развитой, самостоятельной личности, что если мы до XVIII вѣка не жили умственно и нравственно (это мысль Г. Кавелина, чрезвычайно оригинальная), то именно по той причинѣ, что разными препятствіями было задержано развитіе личностей въ нашемъ отечествѣ, что съ Петра Великаго оно начинается. Что справедливо для сферы гражданской, то справедливо, конечно, и для всѣхъ другихъ отраслей человѣческаго образованія. Если личность, и именно, какъ выражается Г. Кавелинъ, безусловно самостоятельная, становится главнымъ деятелемъ въ развитіи умственномъ и нравственномъ, то ясно, что степень достоинства этой самой личности въ личностяхъ, взятыхъ отдѣльно, будетъ также однимъ изъ необходимыхъ условій развитія. Ясно, что при такомъ условіи, ослабленіе отдѣльныхъ личностей будетъ жалкимъ признакомъ упадка въ литературѣ. Ясно, что Г. Никитенко, сознавая такое грустное явленіе въ нашей современности, долженъ бы былъ опечалиться имъ и выразить сокрушеніе. Напротивъ, онъ торжествуетъ эти будни въ нашей литературѣ; онъ славитъ отсутствіе этихъ праздниковъ, шабашъ самостоятельныхъ и замѣчательныхъ личностей. Онъ даже считаетъ ненужнымъ вліяніе личностей на литературу, не во гнѣвъ Г. Кавелину, который такъ усердно въ теченіи всей Русской Исторіи выкладываетъ ихъ развитіе. Г. Никитенко говорить: литература должна создать себѣ общее опредѣленное направленіе, а не быть случайнымъ, отрывочнымъ выраженіемъ такихъ-то личныхъ мыслей и чувствованій. Слышите ли, Г. Кавелинъ, что безусловное достоинство личности, какъ вы его разумѣли, выходить уже не нормально въ литературѣ, потому что въ ней личныя мысли и чувствованія должны подчиниться общему опредѣленному направленію. Вы, вѣдь, конечно, вступая за права личности противъ всей Русской Исторіи, разумѣли не личность вообще, а олицетворяли ее въ личностяхъ

А, В, С и т. д., разумны личность не въ одной логикѣ, а и въ жизни. Далѣе говоритъ Г. Никитенко: «Въ прежнихъ движеніяхъ нашей литературы было что-то случайное, что-то слишкомъ завистливое отъ личныхъ достоинствъ и усилій того или другаго таланта.» Слышите ли, личные достоинства таланта считаетъ Г. Никитенко чѣмъ-то случайнымъ, чѣмъ-то, следовательно, *абнормнымъ*, говоря вашимъ любимымъ словомъ, слѣд. почти вреднымъ въ литературу. Далѣе Г. Никитенко выражается даже съ нѣкоторымъ торжествомъ о такомъ безличномъ состояніи нашей литературы: «Въ области литературы нашей теперь нѣтъ мысли особенно замѣчательныхъ, но есть вся литература.» — «Притязанія личностей на исключительныя почести мысли должны умолкнуть предъ великими интересами цѣлаго. Теперь не время изумлять, привлекать къ себѣ или увлекать за собою.»

Какъ ни разсуждайте, а изъ этихъ словъ совершенно ясно, что Г. Никитенко, не во гнѣвъ своему сосѣду Г. Кавелину поборнику развитія личности, — въ литературу современной совершенно славянофильствуетъ и отдельнымъ личностямъ, самостоятельнымъ и развитымъ съ притязаніями на почести мысли, предпочитаетъ литературную общину, всю литературу, интересы цѣлаго. Явный славянофилъ въ понятіяхъ о литературѣ Г. Никитенко! Онъ разрѣшилъ въ ней великую задачу объ абсолютной нормѣ личности, разрѣшилъ еще въ I-мъ номерѣ Современника ту самую задачу, которую Г. Кавелинъ въ своемъ отвѣтѣ Г-ну М. З. К. предлагаетъ въ XII последнемъ номерѣ, и Г-ну Кавелину остается только перенести рѣшеніе Г. Никитенко изъ сферы литературной въ сферу юридическую. Мы поставимъ вопросъ такъ: если личность въ сферѣ литературы должна быть подчинена всей литературѣ, интересамъ цѣлаго, не имѣть правъ на почести мысли и не увлекать за собою, — то отъ чего же всѣхъ этихъ обязанностей не мѣзя наложить на личность и въ сферѣ юридической? Прошу по-

корнѣйше Гг. Никитенко и Кавелина потрудиться вмѣстѣ вадъ разрѣшеніемъ этого любопытнаго вопроса.

Если Г. Кавелинъ вывелъ Русскую исторію впередъ къ развитію личности, конечно во всевозможныхъ отдѣльных личностяхъ, то Г. Никитенко своею теоріею повернулъ Русскую литературу колесами назадъ, признавши развитіе личныхъ мыслей, чувствованій и достоинствъ за что то случайное, долженствующее уступить мѣсто определенному направленію, слѣдъ какой-то общей нормѣ, которая должна поглотить все личное.

Вопросъ о личности, ея значеніи и дѣйствіи въ нашей литературѣ, есть одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ въ ней вопросовъ. Никогда еще такъ много о личности не говорили — и никогда такъ не вызывали ея къ дѣйствию. Замѣчательна перемена, последовавшая даже въ значеніи этого слова относительно къ его употребленію. Прежде подъ именемъ личности разумѣли оскорбленіе, наносимое лицу; въ такомъ смыслѣ говорили: — «онъ сказалъ мнѣ личность.» Теперь разумѣютъ подъ именемъ личности все права человѣческія лица на развитіе и уваженіе.

Но между тѣмъ бросается въ глаза противорѣчіе, въ которомъ запуталась самая дѣятельная часть нашей литературы относительно къ этому вопросу. Въ то самое время, какъ всего сильнѣе вопіютъ о необходимости развивать личность, тѣ же самые журналы, которые избрали это развитіе своимъ значеніемъ, сами всего менѣе ее уважаютъ, и всего менѣе развиваютъ ее. Въ безличности упрекаютъ нашу древнюю Русь: она была тамъ великимъ явленіемъ, на примѣръ въ религіозной ея дѣятельности, въ дѣлѣ Церкви, гдѣ внесеніе личности могло бы только повредить ея необходимому единству, также въ дѣлѣ единенія земли и государства Русскаго, въ подвигахъ самоотверженія во благо великаго цѣлаго. Тамъ отсутствіе сильнаго сознанія отдѣльной личности въ народѣ могло быть полезно. Но та же самая безличность перешла теперь въ такую сферу, которая безъ участія полной и от-

крытой личности, какъ необходимаго дѣятеля, развиваться не можетъ, — въ нашу литературу.

Неуваженіе къ личности выразилось у насъ прежде всего въ критикѣ. Почти весь славныя лица, которыми послѣ преобразованія Петрова, такъ подвинута была наша Словесность, подверглись поруганію въ тѣхъ же самыхъ журналахъ, которые выдавали себя за двигатели великой идеи личности и за провозвѣстниковъ и представителей новаго періода нашей Исторіи. Мы еще помнимъ неистовые крики противъ Ломоносова, Державина, Карамзина, не говоря уже о другихъ лицахъ, не столько даровитыхъ. Съ нѣкоторыхъ поръ притихли въ этомъ отношеніи Журналы, когда рациональное мнѣніе другой стороны возстало противъ этого неистовства. Даже славныя личности запада подвергались (это еще въ свѣжей нашей памяти) публичному уничтоженію: Мильтонъ, Клопштокъ, Тассъ, Расинъ, Мольеръ были ни почемъ для нашихъ критиковъ, которые говорили на всю Россію.

Это неуваженіе къ славнымъ лицамъ въ литературу пророскало отъ тайнаго, безсознательнаго неуваженія къ личности собственной. Сіе послѣднее продолжается и теперь. Нигдѣ такъ рѣзко оно не выражается, какъ въ журнальной массѣ, въ этой литературѣ безымянной, но чрезвычайно дѣятельной, въ критикѣ, которая говоритъ обо всемъ, рѣшаетъ участь всѣхъ книгъ и Богъ знаетъ отъ чьего имени. Въ этомъ отношеніи, такъ называемая западная партія можетъ быть по дѣйствіямъ своимъ названа совершенно *славянофильскою*. Она олицетворяетъ безсознательно карикатуру славянской общины, переродившейся въ толпу, или артели, гдѣ лица добровольно жертвуютъ собою, гдѣ голоса поднимаются не отъ имени известныхъ лицъ, а отъ имени какой-то цѣлой массы, и за все отвѣчаетъ одинъ старѣйшина или глава толпы, редакторъ журнала. Господа такъ называемые *западники* разрабатываютъ въ нашей современной литературѣ Славянское начало безличности съ удивительнымъ сознаніемъ дѣла, хотя и искажая его,

и могутъ быть названы практическими Славянофилами de facto, тогда какъ противники ихъ въ своихъ дѣйствіяхъ развиваютъ въ литературѣ гораздо болѣе личное начало, а если и признаютъ Славянское общее, то отвлеченно, умозраительно, не примѣчая, что оно практически олицетворяется въ ихъ же противникахъ.

Одинъ изъ дѣателей въ современной литературѣ выразился, помнится мнѣ, такъ, что онъ не подписываетъ подъ статьями своего имени потому, что придаетъ ему слишкомъ мало значенія. Уничженіе паче гордости. Наврасно: имя всякаго человека мыслящаго и рѣшающагося дѣйствовать мыслию на общество должно имѣть значеніе не только въ мнѣніи другихъ, но прежде всего въ мнѣніи его собственномъ. Уваженіе къ своей личности онъ перенесетъ тогда и на личность другихъ.

Личности не уважать самой себя трудно: это не нормальное ея состояніе. Потому-то она и вымещаетъ это тайное неуваженіе къ себѣ самой на другихъ личностяхъ, заслуживающихъ общественное уваженіе. Отсюда объясняется въ такой болѣющей личности антипатія ко всему тому, что носитъ на себѣ знаменіе признаннаго другими достоинства. Отсюда понятны всѣ неустоявшіяся выходы противъ славы въковой, противъ лицъ представителей мысли. Она создаетъ свое феодальное поклоненіе кумирамъ, ея же самую возводимымъ на пьедесталы, но и то не на долго, и то до перваго каприза своей односторонности. Не уважая самой себя, и желая съ тѣмъ вмѣстѣ обнаружить свое существованіе, она охотнѣе прикрывается безличностью и дѣйствуетъ, или подъ маскою псевдонима, или подъ безымянностью толпы, какъ будто бы она не одинокое, личное мнѣніе, а отголосокъ цѣлой массы.

Никогда еще у насъ не появилось такого множества псевдонимовъ, какимъ отличается дѣятельнѣйшая часть нашей современной словесности. Есть псевдонимы прекуръзные, въ которыхъ сознаніе личности проглядываетъ сильно. Таковы, напримеръ, Г. Я. Я. Я., дѣйствующіе

шій въ Сѣверной Пчелѣ: это личность въ самомъ ббльшемъ развитіи, судя по наружности ея имени. Не лбзла было найти болѣе остроумнаго псевдонима въ наше время. Онъ совершенно соответствуетъ теоріи тѣхъ, которые въ безусловномъ развитіи личности полагають совершенствованіе челоуѣка. Этотъ литературный Геріонъ: Я. Я. Я. можетъ по имени уступить мѣсто развѣ такой личности, которая, желая выразить свое развитіе въ безконечность, назовется математическимъ терминомъ: $\frac{\infty}{0}$ (Я раздѣленное на нуль).

Другое подобное сознаніе личности, сознаніе вошедшее внутрь, появилось въ другомъ псевдонимѣ, который дѣйствуетъ сильно въ Отечественныхъ Запискахъ: это Господинъ *Сто-Одинъ*. Какова личность! Не *Сто-первый*, вѣтъ, а *Сто-одинъ*. Въ Парижѣ выходило собраніе сочиненій извѣстнѣйшихъ писателей подъ заглавіемъ: *Le Livre des Cent et un*. Тамъ, въ странѣ развитія личности, литераторы сошлись вмѣстѣ, въ одну дружелобную, ровную, бритакую сотню, каждый какъ будто предоставивъ себѣ смиренное мѣсто одного, стоящаго послѣ всей сотни. У насъ же — въ эпоху развитія личности, перешедшей къ намъ отъ Запада — одинъ неизвѣстный назвался *Сто-однимъ*, т. е. что одинъ онъ идетъ за цѣлую сотню, Самъ онъ *Сто* ввв *Самъ сто...* Никогда еще литературная личность не облакалась нигдѣ такимъ безсознательно простосердечнымъ псевдонимомъ.

Если мы личность Г-на Я. Я. Я. назвали Геріономъ между соизвѣдіями нашего литературнаго неба, то личность Г. Сто-одного можетъ назваться покрайней мѣрѣ удвоеннымъ Бриареемъ. Но вотъ что странно! Въ этой, по виду, всѣхъ сильнѣе сознательной личности, вы находите однако безсознательный остатокъ Славянскаго смиренія, которое доходитъ даже до уничтоженія. Г. Сто-Одинъ написалъ повѣсть, весьма невпинуую, въ которой главнымъ героемъ вывелъ себя. Она изображаетъ любовь, которая встрѣтила препятствія и не увѣнчалась бракомъ

по желанію. Не понимаемъ рѣшительно, почему Господи въ *Сто-одна* назвать эту повѣсть, гдѣ онъ самъ герой, герой пристойный, чувствительный, вѣрный благодѣтельный, кукольной комедіей. Ни чѣмъ инымъ объяснить не можемъ этого событія въ нашей литературѣ, какъ безсознательнымъ остаткомъ самоуничженія Славянскаго въ этой личности, которая для вѣсу выступила на такихъ страшныхъ ходуляхъ *Сто-Однаго*.

Есть еще третья личность съ псевдонимомъ, очень дѣятельная въ литературѣ. Это Г. Искандеръ. Мы уже однажды сказали, что онъ, судя по имени долженъ быть отуреченный, по слогу отъемецкій Славянинъ. Эта личность не безъ притязаній на сильное дѣйствіе, на многочисленную партію, на завоеванія въ наукѣ, на вопросы современныя, на вліяніе общественное, на сочиненіе романовъ, на преобразование или лучше на извращеніе Русскаго языка. Она очень хорошо поняла, что въ нашемъ литературномъ совѣщаніи, гдѣ личность не слишкомъ-то уважается, всего лучше не выдавать своего имени подъ чужое перо, а прикрыться какимъ нибудь плащомъ, хоть бы Албанскимъ, замаскироваться. Она цѣнитъ слишкомъ свое имя собственное, она уважаетъ его, дорожитъ имъ — и потому не выдастъ его. Сама нападаетъ она весьма охотно на чужія личности, на имена лицъ, съ нею знакомыхъ, или ей извѣстныхъ; но, чтобы вы не могли отвѣчать ей тѣмъ же, она вамъ даже и не выдастъ всего Искандера, а подпишетъ какой-то П—ръ! Эта хитрость стоить хитрости Собакевича, когда онъ подпускаетъ Елисавету Воробья въ списокъ Мертвыхъ Душъ, имъ проданныхъ, или завѣщательныхъ распоряженій тетки Бурдюкова, которая на вопросы племянника отвѣчаетъ: э, э, э! или вмѣсто Евдокии подписываетъ обмакии. Но мы еще возвратимся къ Г. Искандеру, какъ личности наиболѣе замѣчательной между всеми личностями лжеженскими.

Появился еще особенный обычай называться отрицаніями личностей существующихъ. Существуетъ Г.

Строевъ и не одинъ — пишущая безымянная личность назовется Пестроевымъ; существуетъ Г. Пановъ — другая называется Испановымъ; помнится намъ, что кто-то захотѣлъ отрицать такимъ образомъ личность редактора Москвитинна — и назвался Непогодинымъ.

Но отъ шутокъ, въ которыя мы невольна увлечены были шуточными псевдонимами, дѣйствующими такъ бойко въ нашей литературѣ, возвратимся къ болѣе важному вопросу о личности: какъ она дѣйствуетъ между писателями того круга литературы, который мы имѣемъ въ виду въ нашихъ очеркахъ!

Въ этомъ отношеніи, кругъ этихъ писателей совершенно резко отличается отъ прежнихъ славныхъ двигателей Русской мысли и слова. О сихъ послѣднихъ весьма справедливо выразился Гоголь такъ: «Всѣ свойства, обнаруженныя нашими поэтами, суть наши народные свойства, въ нихъ только виднѣе развившіяся поэты берутся не откуда же нибудь изъ за моря, но исходятъ изъ своего народа. Это — огни, изъ негоже влѣтъвшіе, передовые вѣстники силъ его.» Вотъ этого вы никакъ не можете примѣнить къ большей части дѣятелей новаго круга. Есть немногія исключенія. Личности первыхъ были сосудами народныхъ свойствъ, которыя въ каждой обнаруживались и развивались при свѣтѣ Европейской образованности. Личности вторыхъ остаются въ своей отвлеченности — и отрываютъ себя вовсе отъ коренныхъ основъ народной жизни, выражаясь въ какомъ-то почти презрѣніи ко всему ея явленіямъ. Изъ самой себя хочетъ современная личность почерпнуть всю жизнь, все содержаніе, все возрѣніе на мръ, даже самый языкъ, какъ будто бы вѣхота прибѣгая къ Русскому. Съ другой стороны мы не видимъ, чтобы эта личность сильно проникла въ глубину западнаго просвѣщенія и впиталась его богатымъ содержаніемъ; она знакома только съ односторонними явленіями крайностей его движенія, съ нѣкоторыми

полурезультатами западной образованности, безъ разумнаго участія во всей ея исторіи; она прикрыта лоскутнымъ плащомъ западнаго просвѣщенія, однимъ его лоскомъ, который часто выражается въ варварской фразѣ, взятой на прокатъ отъ запада, и не болѣе.

Отвлеченность отъ жизни, какъ народной, такъ и Европейской въ существенныхъ ея явленіяхъ, вотъ что составляетъ главный отличительный признакъ личности, какъ она проявляется въ большей части явленій такъ называемой новой школы. Исключенія мы замѣтимъ послѣ, но признакъ этотъ есть господствующій. Ни на чемъ такъ сильно не выражается это, какъ на языкѣ ея, который еще никогда столько не страдалъ, сколько страдаетъ теперь отъ личностей разнаго рода, его искажающихъ. Самъ Г. Никитенко — теоретикъ школы — доводитъ Русской языкъ до какой-то узорочной фразы, которая похожа на риторическія хитросплетенія Лазаря Барановича, перенесенныя въ XIX столѣтіе. Г. Искандеръ развилъ свой слогъ до чистаго голословнаго Искандеризма, какъ выраженія его собственной личности. Г. Некрасовъ тоже самое производитъ надъ Русскимъ стихомъ, который у него почти вездѣ ссорится съ духомъ языка, въ противность стиху Языкова, который такъ пришелся къ Русскому языку. Г. Тургеневъ много исправился послѣ тѣхъ замѣчаній, которыя были ему сдѣланы. Онъ хорошо поступилъ, что отказался отъ стиховъ для прозы. Онъ сблизился болѣе съ народною стихією съ нѣкоторыхъ поръ, но конечно и ее понимаетъ односторонне, потому что онъ не художникъ, а конистъ, и не имѣетъ поэтическаго призванія. Г. Гончаровъ написалъ вещь замѣчательную, и языкъ его выше языка другихъ, потому что онъ глубже спускается въ Русскую жизнь, въ высшихъ слояхъ нашего народа. Все будетъ завѣсть отъ того, какъ онъ глубоко сойдетъ въ нее и въ ея коренныя основы. Г. Григоровичъ — дарованіе, идущее вперёдъ. Онъ вышелъ изъ той же школы, но въ

немъ есть и другіе зародыши. Все будетъ зависѣть отъ того, какъ онъ выйдетъ на большую столбовую дорогу. А много свѣжести въ языкѣ, много силы и жизни, потому что эта личность всѣхъ болѣе коснулась къ землѣ и народу Русскому, хотя далеко не дошла до всей глубины ея, до ея сущности. Другія личности, пишущія и печатающія, теряются болѣе и болѣе въ своей отвлеченности.

Наши писатели должны бы были помнить мифъ объ Антеѣ. Когда онъ боролся съ Геркулесомъ, то земля придавала ему силы, лишь только онъ касался ея. Чтобы обезсилить его, Геркулесъ долженъ былъ отвлечь его отъ земли и задуть въ воздухъ. Таковъ и поэтъ, и писатель вообще. Чѣмъ болѣе касается онъ земли и народа, тѣмъ выше силы его въ самой личности, тѣмъ живѣе мысль и языкъ. Большая же часть нашихъ писателей современныхъ, развивающихъ свою личность въ какой-то отвлеченной сферѣ, чуждой основнымъ началамъ народной жизни, похожи на Антею, но въ ту самую минуту, какъ онъ поднятъ былъ Геркулесомъ ногами на воздухъ и тамъ въ отвлеченной пустотѣ дрыгали ими, отчаявшись въ возможности коснуться родной земли, которая даетъ силу. Иные же, какъ нибудь изловчившись, могутъ быть и думаютъ касаться земли, но болѣе касаются ея грязи, чѣмъ материка прочнаго и существеннаго, который таится глубже и вдругъ не открывается.

Довольно о личности, какъ она дѣйствуетъ въ школѣ, принявшей ее своимъ знаменемъ. Теперь о художественной сторонѣ этой школы.

И здѣсь, прежде чѣмъ высказать свое мнѣніе, выслушаемъ теоретика школы. Тутъ противорѣчія его выступаютъ еще ярче, обвиняя отсутствіе прочныхъ началъ въ повѣстяхъ объ искусствѣ. Изъ одного мѣста статьи вы видите, что критикъ какъ будто не признаетъ въ представителяхъ новой школы художниковъ. Будучи недоволенъ

темъ, что они изображаютъ одну грязную сторону дѣйствительности, онъ указываетъ имъ на то, что въ жизни помещика, чиновника есть нравственный и общественный характеръ, который долженъ быть *поплатъ и изучень стшюй точки зрѣнія, спокойно, безъ ярости и олюбленія.* Здѣсь, замѣтимъ мимоходомъ, весьма странно употреблены эти слова, какъ будто бы можно, что бы то ни было, *поплатъ и изучень стшюй яростью и олюбленьемъ,* какъ будто бы *ярость и олюбленіе,* въ противоположность *спокойствію,* могутъ быть даже названы особенною точкою зрѣнія. Какъ никакое изученіе не можетъ совершаться при ярости и злобѣ, такъ и художественное произведеніе въ свою очередь никакъ не можетъ быть плодомъ такихъ двухъ неразумныхъ явленій.

Далѣе теоретикъ указываетъ своей школь на отличныхъ помещиковъ, на чиновниковъ, выражающихъ нравами своими прекрасныя наследственные качества своего народа съ принятыми и усвоенными ими понятіями міра образованнаго.» Говоря такъ, теоретикъ или виновать иередъ искусствомъ, или виновать иередъ своими сотрудниками. Если онъ сознаётъ въ сихъ послѣднихъ призваніе художественное, какъ это замѣтно изъ продолженія статьи, то онъ виновать иередъ искусствомъ, не признавая въ немъ свободы избора и позволяя себѣ предлагать ему темы, какъ можетъ предлагать только отрѣченная теорія. Можно задать задачу на сочиненіе учное или учебное, но темы для поэтовъ предлагаетъ только Академія Парижская. Того и ждемъ, что Г. Пикитенсо объявить въ Современникѣ состязаніе для Гг. романистовъ о томъ, кто лучше изобразить въ повѣсти идеальнаго благодѣятелиа и просвѣщеннаго помещика или чиновника? Вина не въ матеріалѣ, не въ предметахъ, а въ способѣ изображенія самихъ предметовъ, потому что за одно искусство отвѣчаетъ художникъ. Иного влечетъ къ себѣ высокое и важное жизни, другаго обыкновеннаго, третьяго самая низкая дѣйствительность: искусство принимаетъ все, что есть въ мірѣ

Божіемъ; оно не брезгливо какъ отвлеченная теорія; оно цѣльно такъ же, какъ міръ Божій, и такъ же терпитъ у себя все, какъ великій Хозяинъ міра; оно не будетъ на всѣхъ свѣтскаго приличія измѣрять *вдѣль* и *насколько* могутъ быть допущены темные и даже безобразные дѣтели жизни, какъ это предполагаетъ возможнымъ отвлеченная теорія; оно не будетъ дѣлать чело­вѣка, относительно къ порокамъ, на дикаго и свѣтскаго; оно не будетъ доказывать, вмѣстѣ съ отвлеченной теоріей, что могутъ быть пороки варварства и пороки утонченныя, какъ будто болѣе приличныя достоинству чело­вѣческой природы, а потому болѣе приличныя и самому искусству; оно не дойдетъ, вмѣстѣ съ отвлеченною теорією, до такого сладкаго обмана, противорѣчащаго вопиющей дѣйствительности, что будто бы чело­вѣкъ дикой, оказавшій примѣръ неустранимости въ кровавой схваткѣ или открывшій свой шалашъ для убѣжища страннику, ни мало не затруднился увидѣть себя до скота, називавшійся пль­нымъ, а ужъ будто чело­вѣкъ утонченной цивилизаціи до того святъ, что никогда себя этого не позволитъ, и никогда не раскроетъ черепа своему собрату въ исистовомъ порывѣ гнѣва, даже если не ради оказанія силы, какъ чело­вѣкъ дикой, то ради другихъ причинъ, менѣе гру­быхъ, но болѣе утонченныхъ. Порокъ всякой тяжелъ сердцу, но утонченный тяжелъ варварскаго. Пороку чело­вѣка варвара есть исходъ вмѣстѣ съ прекращеніемъ его дикости; пороку въ утонченномъ и образованномъ мірѣ исходъ труднѣе, потому что онъ прикрываетъ и украшаетъ, да еще пожалуй для его оправданія готова будетъ какая нибудь услужливая отвлеченная теорія, которая и пороки начнетъ разбирать по модному кодексу свѣтскихъ приличій.

Нѣтъ, не таково искусство. Оно не будетъ оправды­вать зла и дѣлать пороки: для него, какъ для разума высшаго, всякое зло, дикое или или утонченное, гадко; но оно не чуждается его лицомъ, а терпитъ и въ сво­емъ мірѣ, потому что самъ великій Творецъ терпитъ

его въ міръ человѣческомъ и солнце свое дождить равно на добрыхъ и злыхъ. У искусства свои приемы къ изображенію зла: оно или осмѣетъ его, какъ въ комедіи или выдвинетъ надъ нимъ нравственную грозную истину, какъ въ трагедіи.

Искусство никакъ не согласится съ отвлеченною теоріею, которая подъ перомъ Г. Никитенко выражается такъ: «Неприличнымъ въ произведеніи изящнаго считается не то, когда художникъ представляетъ намъ дѣйствительность, даже ежедневную, а то, когда онъ представляетъ дѣйствительность, лишенную разумнаго значенія, или когда, не постигая этого значенія, онъ изображаетъ ее только съ грубой матеріальной стороны, чуждой высшимъ нравственнымъ интересамъ нашего духа, следовательно, и интересамъ искусства.»

Этими словами отвлеченная теорія выкинула разомъ изъ міра искусства весь тѣ произведенія комическія, которыя представляютъ дѣйствительность, лишенную разумнаго значенія, выкинуло весь міръ комедіи, которая выводитъ передъ нами челоуѣка и съ грубой матеріальной стороны, чуждой высшимъ нравственнымъ интересамъ. Все то, что вносили въ искусство Кантемиръ, Фонъ-Визинъ, Крыловъ, Грибоедовъ и Гоголь, все то, какъ лишенное разумнаго значенія, само по себѣ, выбрасываетъ отвлеченная теорія изъ міра искусства; но искусство, въ противность ей, не боится самой неразумности, а умѣетъ своимъ чуднымъ смѣломъ осмыслить даже и неразумное, чтобы въ лучшемъ свѣтѣ являлся, какъ яркая противоположность, разумъ человѣческій въ своихъ свѣтлыхъ дѣленіяхъ.

и

Такъ отвлеченная теорія не выразумѣла главной задачи искусства, его отношенія къ жизни дѣйствительной, и признала въ новыхъ дѣятеляхъ однихъ конистовъ, правоописателей, которымъ предлагала она лучшія, болѣе приличныя темы.

Отъ теоретика обратимся къ самой школѣ. Она, вѣроятно, яснѣе чѣмъ теорія, выскажетъ намъ свою задачу. Вотъ какъ она себѣ ее предложила: взглянуть прямо въ глаза дѣйствительности и изобразить ее, безъ робости, безъ ограниченій, какія налагаетъ на нее теорія, безъ недомолвокъ, но какъ она есть. Задача искренняя, но ложная. Художники грѣшатъ не противъ дѣйствительности, какъ обвиняетъ ихъ теорія, но противъ самого искусства, которому задали задачу не по его силамъ, забывъ о его назначеніи и средствахъ.

Чтобы разсмотрѣть всѣ эти вопросы по порядку, войдемъ къ самому началу этой задачи, покажемъ прямое происхожденіе школы. Существовало прежде у насъ стремленіе изображать въ искусствѣ нарумященную, театральную, охорошенную Русскую дѣйствительность. Школа, такъ называемая натуральная, подвинута была благороднымъ порывомъ, чтобы противодѣйствовать этому лицемерию, этому ханжеству фальшиваго искусства. Она хотѣла смыть румяны, сбросить всѣ театральныя украшенія добродѣтели — и представить дѣйствительность въ изготѣ ея, въ томъ, что она есть. Какъ всякое противодѣйствіе, она увлеклась въ другую крайность и начала отъискивать въ жизни всякую низость, чтобы обличать ее черезъ искусство.

На натуральную школу нападаютъ въ нравственномъ отношеніи. Такія нападки вѣдъ критической сферы — и вовсе не дѣло критики, которая — не исправительная полиція. Лицемерное искусство, принимающее на себя румяны нравственности, можетъ подвергнуться не менѣе грозному порицанію. Тартюфы порождаютъ безбожниковъ. Наскучить въ искусствѣ изображеніемъ добродѣтели и довести ее до пошлости, какъ поступила мнимо-нравственная школа, также вредно и опасно.

Мы совершенно далеки отъ того, чтобы вводить подобныя обвиненія на натуральную школу. Мы не будемъ также, за одно съ ея теоріей, предписывать ей вѣру,

здѣ и насколько раскапывать ту дѣйствительность, которую она избрала сценою для своихъ аналитическихъ опытовъ. Мы, напротивъ, сочувствуемъ ей въ той свободной искренности, съ какою думаетъ она совершать свой подвигъ. Но мы нападаемъ на нее во имя самого же искусства, потому что она забыла о его призваніи и низвела его на степень жалкой дѣйствительности, соответствующей той самой, которую она такъ неутомимо и неотрапизмо преслѣдуетъ.

Не задача искусства — анализировать дѣйствительность и доходить до сокровеннѣйшихъ глубинъ ея. Оно будетъ дѣлать доносы на жизнь, но всегда несправедливые и односторонніе, а совершить полную исповѣдь жизни *по темъ* — оно не въ состояніи, оно не имѣетъ на то ни силъ, ни средствъ. Исповѣдь дѣйствительности совершаетъ оно и безъ того, но безсознательно для самого себя; иногда же упадкомъ своимъ и ложнымъ пониманіемъ своей задачи, вѣрнѣе передаетъ намъ эту исповѣдь, нежели содержаніемъ своихъ произведеній.

Вѣдь лицемѣрное искусство, противъ котораго натуральная школа явилась воздѣйствіемъ, думало также, что изображаетъ дѣйствительность, но лучшею ея стороною. Оно ошибалось. И искреннее искусство, въ свою очередь, обративъ вниманіе на дурную сторону дѣйствительности, задавало себѣ задачу еще невозможнѣе. Здѣсь имѣть граніцы искренности, а что касается до мерзостей дѣйствительнаго міра, то у всѣхъ народовъ, во все время, нельзя исчерпать ихъ совершенно, — и если пойдешь по этому пути, то дойдешь до такихъ, которыя будутъ даже недоступны слову, которыхъ никакое въ мірѣ искреннее слово не въ силахъ выговорить. Короче, можетъ всегда и всюду существовать и существуетъ дѣйствительность гораздо хуже той, которую вы, гг. художники, изображаете. Но сознавать ее, обличать ее и скорбѣть о ней — дѣло не искусства, а другой высшей сферы, дѣло совѣсти и правды. Имъ можетъ помогать и искусство, да не вашими средствами.

Но вотъ беда: если встрѣтится тайное сочувствіе у искусства съ тою низкою дѣйствительностію, которую оно изображаетъ. Это сочувствіе выражается упадкомъ самого же искусства, порчею во вкусъ, искаженіемъ всѣхъ его благородныхъ и прекрасныхъ стремленій. Вотъ то, что мы въ глубокомъ сожалѣніи замѣчаемъ въ дѣятельнѣйшей сторонѣ нашей современной Словесности. Почти всегда жалка и безобразна дѣйствительность, имъ изображаемая; но едвали не грустнѣе смотреть на самое искусство, которое представляетъ, не зная того само о себѣ, дѣйствительность, не менѣе безобразную. Псовая охота Помѣщика, который изъ за собакъ и зайцевъ забываетъ о людяхъ, тошное зрѣлище; но стихи Г. Некрасова, въ которыхъ все это изображено, не менѣе тошная литературная дѣйствительность, равно какъ и другія произведенія его въ томъ же родѣ, особенно пародія колыбельной пѣсни Лермонтова. Существа, которые выводитъ Искандеръ въ своемъ романѣ: Кто виноватъ? изъ чернаго міра жизни, безобразны; но художественное его обращеніе съ этими существами еще безобразнѣе, чѣмъ они. То же можно сказать и о большей части Очерковъ Г. Тургенева, и о многихъ, многихъ другихъ произведеніяхъ современныхъ.

Пороки той стороны нашего народа, гдѣ господствуетъ варварское невѣжество, еще изцѣлимы: противъ нихъ есть средство — образованіе. Опаснѣе конечно тѣ, которые прикрыты Французскимъ языкомъ, или лоскомъ западной образованности. Но пороки въ сферѣ высшей, въ сферѣ искусства, гораздо опаснѣе, гораздо вреднѣе, особливо въ нашей землѣ, гдѣ искусство — такое недавнее, такое молодое еще растеніе. Паденіе тамъ — въ міръ дикости и грубости — еще не безъ надежды на возстаніе; но паденіе въ міръ духа, въ міръ изящнаго, въ томъ міръ, откуда должно идти образованіе, чтобы уничтожить все грубое, то паденіе гораздо грустнѣе — и стоить не менѣе рѣшительнаго и полнаго обличенія.

Укажемъ на признаки этого паденія искусства въ школу, которая всѣхъ дѣлательнѣе участвуетъ въ современной Словесности. Первый признакъ — отсутствіе художественной совѣсти въ бѣльшей части ея произведеній. Рѣдко замѣтите вы свободу личнаго чувства, которое совершенно улеклось бы искусствомъ и служило бы ему по призванію. Рѣдко коснется васъ творчество вдохновенія, рѣдко повесть свѣжестью дара: все бѣльшее частію сочиненія дѣланныя, прошедшія иногда черезъ скуку усилій, которая отзывается даже и въ лучшихъ произведеніяхъ школы. Тоже отсутствіе художественной совѣсти видите вы и въ самой внешней обработкѣ частей, въ разсказѣ, въ описаніяхъ, въ разговорахъ, въ языкѣ вообще. Если бы была у писателей художественная совѣсть во всей своей силѣ, то и жизнь отгадывалась бы полнѣе и лучше: ибо въ совѣсти художника, по мѣрѣ глубины ея, отражается, какъ въ водѣ, всѣ окружающая дѣйствительность, чисто и ясно.

Второй признакъ — эфемерность рождающихся талантовъ. Прежде у насъ была морь на дарованія. Какой-то таинственный рокъ ихъ преслѣдовалъ, — и мы оплакивали преждевременную ихъ кончину. Теперь таланты умираютъ заживо. Первая повесть пробудить въ васъ надежду, вторая ослабитъ ее, третья приведетъ въ отчаяніе, — а четвертой вы уже и не читаете.

Третій признакъ — какое то совершенное отрицаніе коренныхъ началъ народной жизни, той основной сущности, той живой истины, которая глубоко лежитъ въ народѣ, не сознавая, и ожидаетъ только мощныхъ и даровитыхъ личностей, которыя привели бы ее въ сознаніе и выразили бы определенною мыслію и словомъ. Искусство не можетъ существовать безъ прочныхъ убѣжденій жизни, а эти убѣжденія не могутъ быть созданы емь какой нибудь отдѣльной, отторженной отъ цѣлаго личности; нѣтъ, они вырастаютъ вмѣстѣ съ писателемъ изъ жизни того народа, съ которымъ связано его бы-

тіе. Гоголь указавъ на тѣ три ветронутые источника, которые еще остались заповѣданными для всѣхъ нашихъ писателей: жаль, что никто изъ молодыхъ нашихъ богатырей не послушается Гоголя и не подойдетъ къ этимъ тремъ завѣтнымъ источникамъ.

Здѣсь эпизодически укажу на одно противорѣчіе, которое принадлежитъ новой школѣ. Она считаетъ себя послѣднимъ лучшимъ плодомъ ново-Европейской Россіи, цвѣтомъ Петровскаго періода, который достигъ въ ней до полнаго сознанія; она отмечаетъ вовсе всякое значеніе древней Руси и видитъ въ ней совершенное отсутствіе нравственнаго и умственнаго просвѣщенія, которое началось только отъ Петра, — а между тѣмъ никто до сихъ поръ съ такимъ ожесточеніемъ не изображалъ новую нашу действительность, какъ эта школа; никто почти не отыскалъ въ новомъ періодѣ такого живаго существа, которое достойно было сочувствія, а если и вывелъ что нибудь подобное въ своемъ смыслѣ, то какъ существо отвлеченное, потерянное, безъ поприща, безъ участи, безъ сцены дѣйствія. Конечно, литература древней Руси не оставила намъ такихъ подробныхъ изображеній внутренняго быта, какія предлагаетъ литература Руси новой; но во всей этой грустной действительности хорошее признаетъ школа только развѣ въ самой себѣ, въ своихъ личностяхъ, развившихъ внутренно роковое и ужасное сознаніе о пустотѣ великаго цѣлаго. Тутъ опять высокомеріе личностей выдается рѣзко надъ презрѣніемъ всѣхъ.

Правда, что сила наибольшаго негодованія простирается у нихъ на ту часть народа, которая менѣе подверглась вліянію преобразованія. Здѣсь-то всего болѣе, сердитое искусство сталкивается съ такою действительностію, которой оно не сочувствуетъ. Здѣсь-то оно бойко клеветаетъ на нее, обличая почти совершенное ея незнаніе или выставая умышленно одни только ея недостатки.

Нельзя не замѣтить резкой противоположности двухъ явленій: въ литературѣ западной и нашей, которая впрочемъ сходятся въ одномъ результатѣ — во лжи противъ дѣйствительнаго міра обѣихъ земель. Романисты Франціи имѣютъ въ обычаѣ изображать театральныхъ героевъ добродѣтели въ самомъ низшемъ классѣ народа, — героевъ на прокатъ для эффектовъ сцены или романа, героевъ, которые на дѣлѣ никогда не существуютъ въ развращенной массѣ, а создаются болѣе съ филантропическою цѣлью, чтобы возбудить въ высшемъ [и среднемъ сословіяхъ] участіе къ этимъ жертвамъ не во всемъ нормальнаго устройства западной цивилизаціи. Литература является здѣсь по крайней мѣрѣ благородною защитницею страдающей жертвы.

У насъ — совершенно противоположное явленіе. Литераторы всего болѣе нападаютъ на низшіе слои народа — и точно также клеветаютъ на его дѣйствительность, только въ дурную сторону, какъ литераторы Французскіе въ хорошую. Народъ нашъ, главными свойствами своего большинства, конечно, не заслужилъ такихъ наветовъ со стороны литературы отечественной, — и чистотою и крепостью началъ своихъ, лежащихъ въ основѣ его жизни, смѣло поспорить не только съ тѣми писателями, которые съ нимъ такъ поступаютъ, но даже и съ западными, которые благороднѣе ведутъ себя въ отношеніи къ своему народу. Если и есть въ дѣйствительности что нибудь подобное сообщаемому нашими повѣствователями, то это, конечно, одни исключенія, въ которыхъ виновата образованная же сторона общества. Если на западѣ народная дѣйствительность ниже театральной и романтической, то у насъ, къ чести нашего народа, театральная и повѣствовательная гораздо ниже народности дѣйствительной, если мы примемъ въ расчетъ большинство сей последней.

Странно особенно вотъ что: литература западная, въ своемъ социальномъ стремленіи возвышая низшіе слои народа и выводя въ нихъ идеалы добродѣтелей даже не-

бывалыхъ, имѣть покрайней мѣрѣ добрую цѣль въ виду, чтобы возбудить состраданіе и участіе къ этимъ массамъ, въ которыхъ живетъ, по ея мнѣнію, свѣжая, непочатая человѣческая сила и проявляется доблестями, незамѣтными для глазъ обыкновенныхъ. Какую же цѣль имѣетъ наша литература, возбуждая въ образованномъ обществѣ почти отвращеніе къ народу своимъ литературнымъ допосамъ? Иные, читая все это, пожалуй, подумаютъ, что народъ нашъ едвали достоинъ какого нибудь улучшенія своей участи, потому что въ своей почти безчеловѣчной грубости и дикости, какую его надѣляютъ наши литераторы, могъ бы только развѣ во зло употребить такое участіе въ судьбѣ его. Мы рѣшительно не понимаемъ здѣсь цѣли нашихъ писателей, которые совсѣмъ не похожи въ этомъ отношеніи на своихъ западныхъ товарищей, этихъ рыцарей народной доблести и народной чести.

Недавно одинъ весьма замѣчательный талантъ выступилъ на поприще литературы, какъ будто съ новыми приѣмами и видами. Это Г. Григоровичъ. Онъ замѣчаетъ въ простомъ народѣ другія, человѣческія стороны, возбуждающія сердечное наше участіе; но представители ихъ являются у него только добрыми, даже не великодушными, но смиренными и почти бессмысленными жертвами грубаго, безчеловѣчнаго большинства. Такова его Акулина въ Деревнѣ. Таковъ Антошъ Горемыка. Въ последней повѣсти, однако, дарованіе автора пошло впередъ. Тутъ есть жизнь, а не отвлеченность, есть живое участіе въ народѣ, а не какое-то безотчетное о немъ понятіе. Много надеждъ возбудила въ насъ эта повѣсть. О какъ бы желали мы, чтобы художникъ дорожилъ своимъ искусствомъ и уважилъ бы свой талантъ, который въ немъ, кажется, неподверженъ сомнѣнію и общаетъ будущее развитіе. Школа, откуда онъ выходитъ, еще кладетъ на немъ слѣды свои; но личность художественная автора должна сорвать эти оковы, и явиться въ полной свободѣ своихъ дѣйствій, съ свѣжею, ясною чистотою своею собственнаго

взгляда на міръ человеческій, въ какой бы сферѣ онъ ни являлся.

Для того, чтобы этотъ взглядъ былъ чистъ, ясенъ, истиненъ и вполне достоинъ искусства, для того, чтобы онъ обнималъ всю полноту жизни, въ сокровеннѣйшихъ ея глубинахъ, въ темной и свѣтлой ея сторонѣ, — необходимо для художника одно чувство, тоже чувство, какое составляетъ духовную потребность каждаго изъ насъ: надобно всею душою полюбить ближняго какъ самаго себя, полюбить человека и поскорѣе за него даже и въ томъ существѣ, которое наиболѣе выказало въ себѣ свою природу и въ ней образъ Божій. Съ такимъ теплымъ чувствомъ художникъ, даже и не весьма даровитый, много сдѣлаетъ въ наше время, много откроетъ тайнъ, создастъ твореній новыхъ, а ужь сильно даровитый сотворитъ просто чудеса.

Съ грустью желая указать новой школѣ на послѣдній, весьма важный ея признакъ, въ заключеніе я согласнусь съ ея собственнымъ теоретикомъ, который самъ говорить такъ: «У насъ мало любви, особенно мало любви. Оттого и произведенія наши поверхностны, сухи и холодны.» Въ этомъ мы совершенно согласны съ Г. Никитенко, но не согласимся съ нимъ въ томъ, что говорить онъ далѣе. «Все это, между прочимъ,» такъ выражается онъ, — «ведетъ къ утомительнѣйшему единообразію. Вы всегда видите одно и тоже — чиновника плута, помѣщика — глупца.» Какъ будто бы любовь къ ближнему нужна была для художника въ той только степени, какъ можетъ она привести его въ искусствѣ къ разнообразію и настроитъ его воображеніе на то, чтобы оно увидѣло и чиновника честнаго и помѣщика умнаго, сверхъ плута и глупца.

Далѣе: «Все провинціальное сдѣлалось обреченною жертвою нашей юмористики; какъ будто провинція не отечество наше, какъ будто тамъ нечего уже любить и уважать, и какъ будто тамъ одно только есть заслужи-

вающее изученія — порокъ и нелѣпости." Критикъ, кажется, потерялъ изъ виду, что во всякомъ человѣческомъ обществѣ, какъ бы ни явилось оно порочно и нелѣпо, намъ всегда обильный предметъ для любви и уваженія — это самъ человѣкъ, его безсмертное и божественное существо, искажающееся въ столь разнообразныхъ видахъ, но все смотря на всѣ искаженія, всегда равно намъ близкое и милое, всегда братъ нашъ — и въ тюрьмѣ, гдѣ собраны одни преступники, и даже въ безумномъ домѣ, гдѣ охранена одна человѣческая нелѣпость.

Наша литература много говоритъ о *гуманности* и ввела этотъ языческій терминъ, промѣнявъ на него слово всѣмъ понятное — слово: любовь. Понятіе, которое выражается *гуманностью*, судя по проявленіямъ сей последней въ литературѣ, гораздо ниже того понятія, которое мы имѣемъ о любви. Любовь налагаетъ на насъ обязанность любить ближняго въ каждомъ человѣкѣ, каковъ бы онъ ни былъ. Гуманность же сортируетъ людей — и къ большинству ихъ питаетъ даже ненависть, а изъ ненависти не можетъ выйти ничего изящнаго, ничего глубокомысленнаго, ничего возбуждающаго, не во гнѣвъ тому романисту, которой гдѣ-то высказался этимъ стихомъ:

О ненависть, тебя пою!

Давно уже поэзія задала себѣ великую задачу: въ созданіяхъ своихъ отгадывать душу человѣческую и изображать внутренняго человѣка въ какой бы то ни было внешней формѣ, во всякомъ народѣ, во всякой землѣ, во всѣхъ условіяхъ жизни. Желательно бы было, чтобы новая школа вспомнила сильно объ этой важной задачѣ, вникла бы въ нее какъ можно глубже, и устремилась бы къ ея разрѣшенію, всею душою полюбивъ человѣка во всякомъ ближнемъ, тѣмъ еще болѣе въ своемъ соотчичѣ.

С. Шевыревъ.